

**«Вы знаете по почерку, кто Вам пишет»
(об издании писем кн. В.П. Мещерского к Александру III)***

*Andrey Minakov
(Moscow Pedagogical State University, Russia)*

**«You know by handwriting who is writing to you»
(On the publication of letters of Prince V.P. Meshchersky to Alexander III)**

DOI: 10.31857/S086956870009270-8

Письма кн. В.П. Мещерского занимают особое место в обширном эпистолярном наследии общественных деятелей пореформенного времени. Пожалуй, никто из них, не занимая государственных постов, не решался столь часто и настойчиво привлекать к своим посланиям внимание наследника престола, а затем императора, навязчиво демонстрируя свою осведомлённость о жизни и нуждах страны. Со временем князь превратил эти обращения в инструмент целенаправленного идеологического воздействия на правительственную политику. В 2011—2018 гг. весь комплекс писем кн. Мещерского к Александру III, хранящийся в Государственном архиве Российской Федерации, был опубликован Н.В. Черниковой¹. Особый интерес представляет том, включающий письма, отправленные уже царствовавшему монарху в 1881—1894 гг. Князь Мещерский хорошо знал его характер, в юности их отношения можно было даже назвать дружескими. Пользуясь этим, Владимир Петрович, глубоко веривший в свою особую государственную миссию, откровенно, даже с несколько демонстративной резкостью высказывался обо всём, что представлялось ему

заслуживающим царского внимания. Часто вместе с письмами он отправлял и вырезки из своей газеты-журнала «Гражданин», а также пространные «отрывки из дневника», отмечая в них наиболее важные, по его мнению, фрагменты.

Заботу о сохранении и укреплении монархических идеалов князь проявлял едва ли не в каждом послании, неизменно сопровождая свои рассуждения тирадами об исключительной роли православной Церкви в империи и на отдельных её окраинах, например, в Остзейском крае (с. 172). «Россию томит одна жажда — жажда по твёрдом проявлении самодержавия», — уверял он императора в октябре 1885 г. (с. 203). При этом в письмах ярко характеризовались министры, главноуправляющие, губернаторы и другие сановники. Так, министр финансов Н.Х. Бунге, по словам князя, «учёный либерал, а учёные либералы у нас это те люди, про которых никогда нельзя сказать: где кончается либерал и где начинается враг самодержавного русского правительства» (с. 403). В письмах ему противопоставлялся И.А. Вышнеградский, при назначении которого «правительство получило бы в своё распоряжение громадного

^{*} *Мещерский В.П.* Письма к императору Александру III, 1881—1894 / Публ. Н.В. Черниковой. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 808 с.

ума человека, который по убеждениям и чувствам глубоко предан старым заветам самодержавия» (с. 304). Критикуя положение, сложившееся к осени 1887 г. в МВД, князь уничижительно отзывался о гр. Д.А. Толстом, который «как министр давно перестал существовать» и «остался как тень чего-то, означающего порядок; но эта тень так слабеет и бледнеет, что её уже совсем не замечают» (с. 540). Между тем В.К. Плеве, ближайший сотрудник графа, «ненадёжный человек для правительства» и «всё делает, чтобы тормозить всякого в министерстве, кто желает действовать энергично и серьёзно». Князь «с первого свидания с Плеве почуял к нему недоверие и убедился чутьём, что это ненадёжный и даже опасный человек, ибо он умен и ловок как Вельзевул». Однако «Толстой теперь почти что как игрушка в руках или вернее в уме Плеве, и не дай Бог, чтобы это долго продолжалось» (с. 538—539). В этих суждениях выражались как мнения самого кн. Мещерского, так и собранные им слухи и сплетни, циркулировавшие в его популярном салоне, собиравшемся еженедельно по средам, или в гостиной Е.В. Богдановича и т.д. (с. 239).

Призывая безотлагательно укреплять коронную власть на местах, кн. Мещерский не раз указывал на недостатки губернаторов, назначенных гр. Толстым (с. 167, 294—295, 417, 597), и рекомендовал собственных протеже на губернаторские должности (с. 294—295, 421, 574—576). Сведения о положении дел в провинции он черпал, в частности, из регулярных бесед с одиозными и деспотичными ультрамонархистами А.А. Татищевым, в 1872—1887 гг. управлявшим Пензенской губ., и А.К. Анастасьевым, в 1880-е гг. губернаторствовавшим в Перми, а затем в Чернигове (с. 128—129, 419). В 1892 г. оба они стали членами Государственного совета, что выз-

вало возмущение в правительственных кругах, где данное назначение связывали с влиянием «Гражданина» и интригами князя². Браня Кахановскую комиссию и настаивая на укреплении местной власти (с. 215), кн. Мещерский с беспокойством констатировал в 1885 г.: «Нет начальника в губернии, и ещё менее есть начальник в уезде» (с. 146). Органы земского самоуправления, по его мнению, следовало полностью подчинить администрации (с. 129). В дальнейшем он последовательно выступал за отмену выборности земских управ и назначение их председателей и членов правительством³.

Слабость власти делала её уязвимой перед лицом «сильной и могущественной жидовской партии банкиров» (с. 45). Регулярно рассуждая о «страшной подпольной силе берлинских и петербургских евреев в Министерстве финансов» (с. 235), о зависимости России от европейских банков, находящихся в еврейских руках (с. 492—493), кн. Мещерский сам «замысел конституции» отождествлял с «жидовским полновластием» (с. 45). Евреи, как ему представлялось, контролировали и печать, не исключая катковских «Московских ведомостей» (с. 516—519, 569, 642). Поэтому в марте 1894 г. князь советовал императору «все усилия направить к тому, чтобы прекратить распространение еврей-интеллигента». В частности, рекомендовалось запретить им поступать на государственную службу, занимать земские и городские должности, обучаться в университетах (за исключением медицинских факультетов), вести педагогическую и адвокатскую деятельность, входить в руководство редакций, банков и железных дорог (с. 661, 670—671).

Тревожила князя и вовлечённость учащихся в оппозиционное движение, в очередной раз проявившаяся в ходе студенческих волнений в Мос-

ковском университете в ноябре 1887 г. Ответственность за них возлагалась в княжеских письмах на министра народного просвещения: «Источник и корень не только зла, но и опасности государственной — это Делянов. Какое он смущение и негодование возбуждает везде и во всех, трудно описать. Теперь, и только теперь, увы, когда поздно стало, когда всё разгорелось в пожар в учебном мире, поняли все и повторяют то, что я говорил так упрямо и так долго один; что без любви нельзя вести дело воспитания и что исход деляновской политики — это революция и потоки крови» (с. 558). По словам Мещерского, «молодёжь — это обоюдоострый меч. Умеешь затрагивать её хорошие струны, её сердце — она становится благотворною силою; начнёшь с нею поступать недоверчиво, придиричиво, трусливо и жестоко, нерешительно, дашь вид, что боишься её, кончено — молодёжь делается разрушительною силою» (с. 558). Именно этим он объяснял падение дисциплины в Петербургском университете и Технологическом институте (с. 265—266, 437—439, 473—474), превращение высшей школы в рассадник антиправительственной пропаганды, а студенчества — в питательную среду для революционеров (с. 446—448).

Оздоровить ситуацию князь надеялся с помощью популяризации идей «Гражданина» (с. 121, 589). Императору он внушал, что это издание «не есть ни орган своих денежных интересов, ни орган того или другого министра, а орган идеи самодержавия, орган русских священных заветов» (с. 376). Причём «в Петербурге “Гражданин” читают в высших слоях общества с большим интересом; он многих сердит, но все самые заклятые враги его говорят: это единственный убеждённый орган, это единственный безусловно честный орган» (с. 430).

Оставалось лишь сожалеть о его малой периодичности и цензурных взысканиях за нелицеприятные отзывы о правительственной политике и должностных лицах. Так, в феврале 1888 г., возмущаясь запретом розничной продажи, князь грозил общественным негодованием, поскольку в провинции все убеждены, что это «орган, стоящий за правительство в самом искреннем, высоком и священном значении этого слова» (с. 606).

Александр III являлся для кн. Мещерского главным читателем его публицистических и литературных произведений. Рассчитывая на сочувствие монарха, он жаловался на бюрократизацию управления русскими театрами (с. 261—263), делился впечатлениями от представления на сцене своей комедии «Миллион», на которой присутствовала императорская чета (с. 421—422), пытался убедить в нежелательности постановки пьесы гр. Л.Н. Толстого «Власть тьмы» (с. 439—440).

Князь Мещерский пристально следил и за международными отношениями. В 1885—1886 гг. он чрезвычайно болезненно переживал утрату русского влияния в Болгарии (с. 174—177, 199) и даже призывал Александра III её оккупировать (с. 219, 266—267). В перспективе же ему виделось «постепенное, без шума, обращение Болгарии в русское владение, в русскую губернию» (с. 354). Более того, политическому объединению должно было предшествовать церковное: «Начало дела — это воссоединение Болгарской Церкви с Греко-Российскою. Пока этого сделано не будет — немыслим ни один верный шаг России на пути восточного вопроса» (с. 522). В доме князя велись оживлённые дискуссии о восточном вопросе и притязаниях Англии (с. 270—277), содержание которых затем эмоционально переска-

зывалось в письмах к царю. При этом решительно утверждалось: «Проливы турецкие должны быть наши. Без этого мы пропали» (с. 207).

Письма кн. В.П. Мещерского позволяют лучше понять эту своеобразную фигуру в российском истеблишменте второй половины XIX в. Они помогают изучению расстановки сил в бюрократических сферах и общественной жизни столицы, передают примечательные детали кулуарной атмосферы. Однако, конечно же, данный источник требует крайне осторожного обращения, учитывая известную конъюнктурность и предвзятость автора писем, а также переменчивость его взглядов. Не случайно Плеве, при Николае II какое-то время посещавший салон князя и даже оказывавший ему одолжения⁴, однажды, уже в начале XX в., заметил: «Мещерский как человек, собственно говоря, дряннь... но к его голосу как выразителю из-

вестной партии общества необходимо прислушиваться»⁵. В полной мере это относится и к княжеским письмам.

Примечания

¹ Мещерский В.П. Письма к великому князю Александру Александровичу, 1863—1868 / Публ. Н.В. Черниковой. М., 2011; Мещерский В.П. Письма к великому князю Александру Александровичу, 1869—1878 / Публ. Н.В. Черниковой. М., 2014; Мещерский В.П. Письма к императору Александру III, 1881—1894 / Публ. Н.В. Черниковой. М., 2018.

² Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М., 1970. С. 102—103.

³ Черникова Н.В. Портрет на фоне эпохи: князь Владимир Петрович Мещерский. М., 2017. С. 281.

⁴ Леонов М.М. Салон В.П. Мещерского: неформальные связи и протектирование в чиновном мире России рубежа XIX—XX вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2008. № 4. С. 121—122.

⁵ Два разговора (Из дневников В.Г. Глазова) / Публ. С.Ф. Платонова // Дела и дни. 1920. Кн. 1. С. 216.